

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470.621).084-055.2

ББК 63.3(235.7)613.7

Н 16

DOI: 10.53598/2410-3691-2023-4-329-42-52

ФОРМЫ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ АДЫГЕЙСКИХ ЖЕНЩИН В 1920-1930 ГГ. В АДЫГЕЕ

(Рецензирована)

Саида Руслановна НАГОЕВА

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

nagoeva.90@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается ход культурно-просветительской работы среди адыгейских женщин в 1920-1930 гг., ее формы и методы. Октябрьские события 1917 г. и последующие за ними политические решения большевистской партии дали основу для глобальных изменений во всех сферах общественной жизни государства. Лозунг о «раскрепощении» женщины-горянки стал повесткой дня буквально в первые годы существования советской власти. Однако за громким заявлением стояли отнюдь не феминистские настроения. Истинным намерением большевистских лидеров было вовлечение «освобожденной» женщины в социалистическую стройку. Просветительская деятельность среди женского населения была остро необходима, в первую очередь в связи с тотальной неграмотностью, которая делала невозможной агитационную работу властей. На пути к этой цели партия организовала различные формы культурно-просветительской работы среди женщин в национальных областях. Цель статьи — охарактеризовать обстоятельства культурно-просветительской работы среди адыгеек в 1920-1930-х гг., проанализировав специфику внедрения женского просвещения среди коренного населения области. При работе над статьей использовались следующие научные методы исследования: проблемно-хронологический, нарративный, историко-генетический. Анализ источников позволяет утверждать, что советская власть использовала в своей просветительской работе среди женщин ряд форм и методов, которые в сочетании друг с другом позволили добиться определенных результатов. Несмотря на то, что в адыгском обществе продолжали существовать определенные табу, власть добилась ликвидации неграмотности среди женщин.

Ключевые слова: ликпукты, ликбез, дома горянок, женский вопрос, агитация, Адыгея.

Для цитирования: Нагоева С.Р. Формы культурно-просветительской работы среди адыгейских женщин в 1920-1930 гг. в Адыгее // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2023. Вып. 4 (329). С. 42-52. DOI: 10.53598/2410-3691-2023-4-329-42-52.

ORIGINAL RESEARCH PAPER

FORMS OF CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK AMONG ADYGHE WOMEN IN 1920-1930S IN ADYGHEA

Saida R. NAGOEVA

Adyghe State University, Maykop, Russia

nagoeva.90@mail.ru

Abstract. The article examines the progress of cultural and educational work among Adyghe women in 1920-1930, its forms and methods of work. The October events of 1917 and the subsequent political decisions of the Bolshevik Party provided the basis for global changes in all spheres of public life of the state. Among the various social and political objectives pursued by the party, one notable aspect was the promotion of gender equality, particularly concerning "mountain women". However, it is important to note that the feminist sentiments associated with this movement were not the sole driving force behind the Bolsheviks' agenda. Instead, their true intention was to actively engage the "liberated" women in the construction of a socialist society. To achieve this objective, it was recognized that urgent educational

efforts were needed, primarily due to the prevalent issue of widespread illiteracy among women, which hindered the government's ability to effectively disseminate its propaganda and ideologies. Consequently, the party implemented various forms of cultural and educational initiatives targeting women within national regions. The focus of this article is to characterize the specific circumstances surrounding the cultural and educational initiatives among Adyghe women during the 1920-1930s, while also analyzing the unique challenges encountered during the introduction of female education within the indigenous population of the region. In order to address this research objective, the article uses several scientific research methods, including problem-chronological analysis, narrative analysis, and historical-genetic analysis. The analysis of these sources reveals that the government employed a range of different forms and strategies in their educational work aimed at women, which, when combined, yielded tangible results in terms of improving female literacy and fostering active participation in socialist construction. Despite the fact that certain "taboos" continued to exist in the Adyghe society, the authorities achieved the elimination of illiteracy among women and stimulated their education.

Keywords: literacy centers, illiteracy elimination, houses of mountain women, women's issue, agitation, Adyghea.

For citation: Nagoeva S.R. Forms of cultural and educational work among Adyghe women in 1920-1930s in Adyghea // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Culturology». 2023. Iss. 4 (329). pp. 42-52. DOI: 10.53598/2410-3691-2023-4-329-42-52.

Введение. Первым шагом в повышении культурного уровня адыгейки должна была стать ликвидация неграмотности, что полностью соответствовало словам В.И. Ленина о том, что «в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя» [1]. Проблема неграмотности остро стояла не только среди женского населения, общий уровень грамотности был удручающим по всей стране среди обоих полов. До 1917 г. 76% населения Российской империи, не считая детей младше 9 лет, было неграмотным [2]. В Адыгее, как и в других национальных областях Северного Кавказа, уровень грамотности был тотально низким — до 1917 г. грамотность населения составляла всего лишь 3% [3]. В декабре 1917 г. ликвидация неграмотности стала одной из ключевых задач внешкольного отдела, который возглавляла Н.К. Крупская. Законодательно это намерение воплотилось в форме декрета Совета народных комиссаров 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» [4]. Данный закон обязывал все неграмотное население страны от 8 до 50 лет к обучению либо на русском, либо на родном языке. Для контроля над такой масштабной кампанией Совет народных комиссаров в июле 1920 г. создает Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности. Комиссия взяла под свой контроль организацию курсов ликбеза (*ликвидация неграмотности, здесь и далее: ликбез*), подготовку учителей, издание учебной литературы [5]. Ликбез охватил как центральные районы, так и периферию. Основная работа по обучению грамоте взрослого населения была сосредоточена в пунктах ликвидации неграмотности — ликпунктах (*пункты ликвидации неграмотности, здесь и далее: ликпункты*).

Результаты и обсуждение. Просветительская работа советской власти в Адыгее началась в 1923 г., но из-за отсутствия строгой отчетности данных об обучении грамоте взрослых адыгеек в данный период не имеется [6]. Одним из главных вопросов организации ликбеза в Адыгее становится проблема предельно низких чисел явки адыгейской женщины в ликпункты. По данным 1924 г. в Адыгейской (Черкесской) автономной области численность женского населения среди адыгов достигала 30629 человек, из которых грамотными являлись только 378 адыгеек. Для сравнения: из 23306 русских женщин, проживавших в Адыгее, грамотными были 2642 человека [7; 80].

Проблема обучения грамоте взрослой адыгейской женщины, вовлечения ее в ликпункты долгое время не только фигурировала в официальной документации

местного советского самоуправления, но и присутствовала в отчетах заведующих ликпунктов. Заведующий ликпунктом села Преображенское утверждает, что занятия посещали только 3 адыгейки. Его отчет особенно ценен для анализа данного вопроса, так как он не просто указал имеющуюся проблему, но и перечислил причины, которые препятствовали адыгейке обучаться грамоте. Во-первых, это запрет на обучение со стороны аксакалов аула [8; 19]. Во-вторых, в отчете утверждает, что адыгейский обычай запрещает женщинам обучаться вместе с мужчинами. В-третьих, женщины стесняются заниматься с учителями-мужчинами. В-четвертых, традиция запрещала женщине уходить из дома вечером, а занятия в ликпунктах проводили именно в это время суток [9; 19]. Данный отчет демонстрирует нам, что для адыгейской женщины были необходимы специальные условия для обучения, главным из которых являлось изолированное обучение от мужчин: как от обучающихся, так и от преподавателей. Эти традиционные предубеждения и стали причинами для открытия специальных женских ликпунктов для «черкешенок». Постепенно в них создаются условия для привлечения коренного женского населения: занятия проводятся днем, обучающимися были исключительно женщины.

По доступным нам данным, в 1924-1925 учебном году грамоте были обучены 1887 взрослых адыгов и только лишь 56 адыгейских женщин [10; 99]. В подавляющем большинстве этот учебный год для решившихся обучаться грамоте адыгских женщин прошел в 5 женских ликпунктах. 2 ликпункта были организованы в ауле Ассоколай, по одну ликпункту было открыто в ауле Нешукай и ауле Джиджихабль Понежукаевского района, и один ликпункт был открыт в ауле Ходзь Натырбовского района [11; 5]. Нужно отметить, что существование того или иного ликпункта не было чем-то долговечным. Как только нужда в нем уходила, ликпункт закрывался. Поэтому если в 1924-1925 учебном году большинство женских ликпунктов располагались в Понежукаевском районе, то уже в следующем году большая их часть были сосредоточены в Тахтамукаевском районе. В декабре 1925 г. по Адыгее в женских ликпунктах обучались 96 адыгеек, из них 43 женщины посещали ликпункты Тахтамукаевского района, 21 — Понежукаевского и 32 адыгейки числились в ликпунктах Хакуринохабльского района [12; 23].

На 1 января 1926 г. на территории Адыгейской (Черкесской) автономной области женские ликпункты, включая Адыгейскую советско-партийную школу (*далее: совпартшкола*) в г. Краснодаре и школу для малограмотных, были рассредоточены следующим образом [13; 243]:

Мы видим, что в начале 1926 г. количество обучающихся в 6 ликпунктах было еще очень небольшое, и чем старше девушка, тем сложнее ей обучаться в ликпункте. Скорее всего, это связано с тем, что девушки старше 20 лет были, вероятно, уже замужними, и семья мужа / муж препятствовали им в обучении. Кроме того, девушки на выданье стеснялись ходить на обучение.

Особую известность имела опытно-показательная школа при Адыгейской советско-партийной школе в Краснодаре. Ученицы проживали в интернате при школе. Программа обучения была утверждена советом школы с политпросветом. Учебный план был ориентирован на получение учащимися знаний по истории, географии, арифметике. Пособием являлась книга по чтению «Страна советов», «Задачник» С.В. Зенченко, газеты и журналы общества «Долой неграмотность», газета «Адыгейская жизнь» [14; 88].

Воспитательницами совпартшколы были и адыгейки. Зачастую они были вдовами или разведенными. К примеру, Серина Адамовна Желясова, Сафьят Меджидовна Кетаова [15; 3, 16; 1]. Когда школа только открылась, адыгейки шли туда неактивно. В ауле Хатажукай из-за отсутствия женщин, желающих обучаться, в школу

Таблица 1

Распределение учащихся женских ликпунктов по населенным пунктам

Наименование нас. пункта	пол		возраст			социальное положение		партийность		национальность		
	мужчины	женщины	до 17 лет	17-20 лет	старше 20 лет	крестьянки	служащие	РЛКСМ	беспартийные	русские	адыгейки	прочие
Аул Бжедухабль (Преображенский район)	-	42	23	13	6	41	1	2	40	-	6	36
Советско- партийная школа в г. Краснодаре	-	35	18	16	1	35		4	31		35	-
Аул Тахтамукай	-	9	6	3	-	9	-	-	9	-	9	-
Аул Козет (Тахтамукаевский район)	-	12	4	6	2	12	-	-	12	-	12	-
Школа малограмотных в ауле Тахтамукай	-	9	4	3	2	9	-	-	9	-	9	-
Итого:	-	107	55	51	11	106	1	6	101	-	71	36

были командированы 2 мужчин [17; 434]. Нежелание отправлять своих дочерей на учебу было связано с вековыми предрассудками и страхом того, что девочки, отправленные в город, без семьи, быстро обрусееют. Отрывок из письма одной из курсанток школы наглядно демонстрирует данный факт: «Когда мы говорили своим родителям о своем желании учиться, то муллы нашептывали: «Ах, не пускайте в город, то «джаур» будет» [18]. В 1927-1928 учебном году ситуация с численностью учащихся-женщин в совпартшколе улучшилась, и в ней обучалось уже 20 адыгейских женщин [19].

Постепенно количество обучающихся в ликпунктах адыгеек увеличивается. В 1926-1927 учебном году неграмотность ликвидировали 154 адыгейские женщины в 9 женских ликпунктах [20]. Согласно одному из протоколов выпускной комиссии женского ликпункта аула Козет, на выпуске учениц собиралась специальная комиссия, в данном случае состоящая из представителей женотдела (*отдел по работе среди женщин, здесь и далее: женотдел*), комсомола, кооперации общественной взаимопомощи, сельского совета [21; 13].

Необходимо отметить, что, кроме активного ликбеза среди взрослого населения, в 1920-х гг. в Адыгее растет сеть школ с обучением в них как мальчиков, так и девочек. Поэтому к 1926 г., судя по переписи населения (от 8 до 50 лет — предельный возраст обучения грамоте), 1322 адыгейские женщины умели читать и писать [22; 25].

Проблема вовлечения адыгейских женщин в ликпункт стояла на повестке дня советских органов власти вплоть до 1930 г. В основном этот вопрос должен был решаться путем агитации представительниц женотдела, которая проходила с разной степенью успешности. Агитаторы женотделов добивались диалога с адыгейками только после привлечения местного населения, но и этот фактор не гарантировал посещения женщинами ликпунктов. В ауле Кошехабль адыгейская женщина, будучи членом сельсовета, предложила открыть ликпункт. Она вместе с представительницей женотдела, женским организатором Гаврияшевой (*нет данных о ИО*) буквально стучались в каждый дом, агитируя женщин к посещению ликпункта, и в итоге смогли уговорить только 3 женщин [23].

Кроме низкой посещаемости женских ликпунктов, проблемы были и с оплатой труда работников данных учебных заведений. Зачастую жалование не высылалось, и труд преподавателя либо не оплачивался вовсе, либо оплачивался путем самообложения [24]. Помещения для женского ликпункта обычно арендовались, и их вместительность не всегда отвечала текущим потребностям. В ликпункте аула Асколай из 31 женщины, записавшейся в ликпункт, его посещали только 26, так как он представлял собой маленькую комнату и не мог вместить всех желающих [25]. Данный случай представляет собой наглядный образец того, что местные власти, требуя высокой посещаемости женских ликпунктов, не учитывали вместимость помещений и даже их количество.

Цифры обучающихся адыгеек не могли быть очень высокими, так как количество самих женских ликпунктов, по сравнению с общими, было небольшим. Так, в 1924-1925 учебном году в Адыгее функционировало 65 общих ликпунктов и только 5 женских [26; 5]. Эти 65 ликпунктов закончили 1403 адыгских мужчины, т.е. в среднем на один ликпункт приходилось 21-22 посещавших. 5 женских ликпунктов окончили 56 адыгеек, т.е. по 11-12 женщин на один ликпункт. Это очень усредненные подсчеты, но в любом случае мы видим, что глобально разница между посещаемостью ликпунктов не была такой уж огромной, как это подчеркивается в каждом отчете. В 1925-26 учебном году из 104 ликпунктов для адыгеек выделили всего 12 [27; 4].

Постепенно посещаемость женских ликпунктов стала увеличиваться. Особенно наглядно это демонстрируют данные декабрьских учетов и школьной переписи за 1927 год, которые дают следующие цифры: женские ликпункты в ауле Лакшукан посетили 18 адыгеек, в ауле Джиджихабль — 16, в ауле Хачемзий — 34, в ауле Мамхег — 21, в ауле Пшизовский — 25 и в ауле Блечепсин — 20 [28; 40, 41, 42]. Таким образом, в 1927 г. в 6 аулах грамотными стали 134 адыгейские женщины, что на 78 человек больше, чем в 1924-1925 учебном году по всей Адыгейской автономной области.

Спецификой адыгейских женских ликпунктов было то, что часто они имели производственный характер, сочетая в себе обучение грамоте с обучением кройке и шитью. Примером является школа кройки и шитья в ауле Шенджий, открытая в 1926 г. [29]. Вероятно, здесь сыграла свою роль изначальная ориентировка любой общественной работы среди женщин на производственную направленность. Рукоделию обучали в женском ликпункте в ауле Асоколай. Образованный в ноябре 1927 г., он проводил свои занятия с 8.00 до 13.00 через день, чередуя ликвидацию неграмотности с обучением кройке и шитью [30].

Кроме кружков рукоделия, на базе ликпунктов распространяются школы домашнего хозяйства. Так, была создана школа домашнего хозяйства в ауле Адамий. Данная школа стала пользоваться определенным авторитетом, несмотря на то, что занятия проводились в одном здании с профкомом, где обучалась мужская молодежь. Курс обучения был рассчитан на 4 года, и выпускницы имели возможность получить диплом учительницы кройки и шитья [31].

Кроме привлечения женщин в ликпункты, важной формой культпросвета женского коренного населения становится клубная работа, которая в первую очередь проявилась в создании домов горянок во всех национальных областях Северного Кавказа. Такой клуб являлся местом для культурного отдыха новой советской женщины-горянки. В него должно было быть вовлечено женское население всех возрастов, но особое внимание уделялось привлечению девочек с 8 лет. В нашем распоряжении имеется примерный устав таких клубов горянок — например, в Адыгейской автономной области действовал «Дом черкешенок», анализ которого позволяет определить задачи и формы деятельности подобных учреждений.

Итак, согласно данному уставу, «Дом горянок» ставил несколько задач: во-первых, целью клуба было объединение горских женщин для формирования у них ряда навыков, а именно: общественных, культурных и производственных; во-вторых, вовлечение женщин во все сферы общественной жизни должно было обеспечить ее экономическую и бытовую независимость; в-третьих, деятельность клубов должна была опираться на женотделы и делегатские собрания, которые должны были взять на себя вовлечение женщин в политическую и экономическую жизнь, а именно: в партию, советы и кооперативы. Собственно, все эти задачи являлись отражением лозунгов советского правительства, согласно которым женщина должна была в первую очередь стать активной строительницей социализма, а без вышеуказанных навыков данная цель была бы невыполнима.

Кроме широкого спектра задач, устав клуба предлагал конкретные формы деятельности для их реализации. Эти формы охватывали следующие области политики советской власти среди женщин: экономическая, правовая защита, санитарно-просветительская, политика защиты материнства и младенчества, молодежная, культурно-просветительская. Культурно-просветительская работа среди женщин предполагала осуществление в доме горянок таких форм деятельности, как ликвидация неграмотности, чтение лекций, осуществление различной кружковой работы. Клуб должен был стать местом постановки спектаклей, вечеров самодеятельности,

концертов [32]. На первый взгляд эти формы досуга были достаточно смелыми для любой из национальных областей Северного Кавказа. Но в Адыгее еще до создания клубов горянок уже были случаи организации подобных мероприятий среди адыгских девушек.

Уже 16 июня 1923 г. в Адыгее был организован этнографический вечер, на котором выступили в присутствии общественности с вокально-танцевальными номерами 8 адыгеек в национальных костюмах. Кроме того, одна из них выступала в роли артистки в оперном представлении «Джамбеч и Хабиба» [33; 327]. Данный факт свидетельствует о том, что в некоторых аспектах общественной жизни, как, например, участие женщин в национальной музыкальной жизни, не требовалось длительной подготовки, агитации, специальных форм работы женотделов.

Открытие первого такого клуба в Адыгее сопровождалось материальными затруднениями. Он был открыт 8 февраля 1925 г. в ауле Габукай Понежукаевского района. Планировалось, что в «Доме» будут работать 2 женщины — русская и адыгейка, и поэтому беседы могут вестись на русском и адыгейском языках [34]. Как и предполагалось, согласно примерному уставу подобных клубов, в «Доме» должны были обучать рукоделию, правовой защите женщин, вести политпросветбеседы, обучать грамоте. Однако главной проблемой после его открытия становится нежелание адыгеек его посещать. При организации клуба был неучтен факт того, что для молодых адыгейских девушек обучаться грамоте считалось чем-то постыдным. Адыгейское слово, обозначающее стыд — «хайнапе», теперь фигурирует в адыгейской прессе в качестве основного препятствия для участия адыгейской женщины в общественной жизни. И вновь большое значение в игнорировании «Дома» местными женщинами играла критика аульских аксакалов, говоривших, что девушки, посещавшие клуб, «обрусееют, их уведут в город и т.д.» [35].

В начале 1926 г. в Габукаевский «Дом черкешенок» были привезены 8 чулочно-вязальных машин, с помощью которых возможно было бы направить работу клуба в практическое русло. Однако на начальном этапе вообще никакой деятельности не велось из-за полного отсутствия желающих посещать клуб. С большими сложностями для обучения работе на этих машинах удалось собрать всего лишь 4 девушек. Однако дальнейшему функционированию клуба помог случай. Несколько взрослых и уважаемых женщин возвращались с похорон, и любопытство заставило их войти в клуб, чтобы посмотреть машины. Они были удивлены тем, как умело девушки на них работали, и на следующий день привели в «Дом» своих дочерей. Мы видим, что мнение авторитетных взрослых женщин имело гораздо большее значение, чем вся советская пропаганда. «Дом» стали посещать уже 14 женщин от 18 до 35 лет [35]. В 1927 г. чулочно-вязальная мастерская, открытая в «Доме», привлекла больше 25 девушек в возрасте от 18 до 36 лет [36].

Плохая посещаемость клуба не была спецификой только Габукаевского «Дома». Остальные женские клубы испытывали такие же проблемы. В 1927 г. «Дом черкешенок» был открыт в ауле Блечепсин, в который из 21 женщины ходили 10-15 человек [37]. В ауле Тахтамукай клуб посещали также 10-15 женщин. В 1928 году в Адыгее было организовано 4 клуба горянок, в работу которых было вовлечено 80 адыгейских женщин [38]. Отметим, что, несмотря на рост количества клубов горянок, по сути, вложенных средств они не оправдывали, и в 1928 г. звучал вопрос о закрытии первого из них, как «не оправдывающего вложений» [39; 130]. Несмотря на это, в 1935 г. в Адыгейской автономной области функционировало уже 14 клубов горянок [40; 11]. Вероятно, это связано с тем, что с 1928 г. женские клубы становятся местом агитации женщин к участию в экономической жизни. Постепенно из просветительских центров «Дома» превращаются в настоящие артели.

Естественно, что в условиях политики «раскрепощения» горянки в отчетах поднимается вопрос недостаточного участия адыгеек во всех культурно-просветительских мероприятиях. Среди причин низкой мотивации постоянно фигурируют обычаи традиционного адыгского общества и недостаточная работа самих учреждений, но нигде не упоминается колоссальная занятость адыгейской женщины, особенно замужней, на плечах которой держался весь дом. Очевидно, что большим препятствием являлся недостаток времени у взрослой адыгейки. Работа в семье и зачастую в поле отнимала слишком много сил и времени, ей было просто некогда выделять время на посещение культурно-просветительских учреждений.

В любом случае обширная культурно-просветительская работа среди адыгейских женщин не могла не дать определенных результатов, которые стали выражаться в конкретных цифрах: в 1926 г. 8 адыгеек прошли курсы горянок в Ростове, 4 адыгейки были командированы в Коммунистический университет трудящихся Востока в Москву, в Адыгейской совпартшколе обучались 56 адыгеек, 3 адыгеек отправили на вторичные курсы горянок, в педагогическом техникуме, в то время расположенном в г. Краснодаре, обучались 8 адыгеек [41]. В 1927-1928 учебном году в школах II ступени и школах крестьянской молодежи обучались 69 женщин, из них 40 адыгеек. В техникумах — 17 женщин, из них 12 адыгеек [42].

В адыгейском обществе появляются девушки, стремящиеся получить образование даже наперекор своей семье. Сестры Воркожоковы из аула Адамий хотели обучаться на курсах переподготовки учителей, но мать и братья не пустили их, что неудивительно, ведь отправить дочерей в город, без родственников считалось настоящим вызовом общественному мнению. Сестры Воркожоковы не отчаялись и снова повторили попытку уехать в город, и вновь она оказалась неудачной — семья была непреклонна. Не смогли убедить даже учителя, приехавшие поговорить с родней девушек. Поэтому сестрам ничего не оставалось, как пойти на хитрость. Когда семья ушла на работу в поле, девушки, взяв ведра, сделали вид, что пошли на р. Белую за водой, сами же они бежали к подруге, а от нее на подводе поехали на станцию, чтобы уехать в город [43]. Иногда история преодоления вековых предрассудков была именно такой.

Известнейшими активистками культпросвета являлись: Мин-Кутас Зачериевна Азаматова — на тот момент курсантка Донской совпартшколы в Ростове-на-Дону, Галимет Исхаковна Куадже — курсантка Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве [44].

1928-1929 гг. в советской историографии традиционно считаются переломными в процессе ликвидации неграмотности. Это было связано с тем, что в 1928 г. по инициативе Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ) был начат всесоюзный культпоход, главной целью которого была борьба с неграмотностью [45]. Главными субъектами культпохода являлись культармейцы — добровольцы, обучавшие грамоте безвозмездно [46; 106]. Зачастую в культпоходе участвовали молодые адыгейки, уже получившие образование. Среди них были и студентки Адыгейского педагогического техникума и курсантки областных курсов ликбезов.

Заключение. Таким образом, рассмотрев ход культурно-просветительской работы среди адыгейских женщин в обозначенный период, мы пришли к следующим выводам:

— самой очевидной формой повышения культурного уровня горянки было ее обучение грамоте. Женщины посещали ликпункт не настолько массово, как мужчины, но разрыв в посещаемости был меньшим, чем принято оценивать в советской прессе и официальной отчетности;

— большинство учреждений, ориентированных на работу с адыгейками, были многофункциональными: нередко в «Доме черкешенки» действовал и ликпункт, и кружок по кройке и шитью, и даже целая артель;

— эта многофункциональность женских просветительных учреждений позволяет утверждать, что все формы и методы работы среди женщин в Адыгее развивались взаимосвязано;

— сочетание культурно-образовательной политики среди адыгеек с минимальной, но все же производственной деятельностью демонстрирует самую важную цель советской власти в деле эмансипации женщин — ее участие в социалистическом производстве.

Итак, культурно-просветительская работа в 1920-1930-х гг. среди адыгейских женщин шла невысокими темпами, но все же была достаточно успешной в рамках существовавших реалий.

Примечания:

1. Ленин В. И. Задачи союзов молодёжи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года. URL: <https://www.politpros.com/library/13/252/#:~:text=Вы%20знаете%2C%20что%20в%20стране,поколение%20взялось%20за%20это%20дело> (дата обращения: 10.08.2023).

2. Мельников В. В. В.И. Ленин и культурная революция на Северном Кавказе // В.И. Ленин и культурная революция на Северном Кавказе: сб. ст. Ростов н/Д : Ростовский-на-Дону ин-т сельскохоз. машиностроения, 1971. С. 3-24.

3. Бурнышев А. В. Культура, рожденная Октябрем. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1958. 135 с.

4. О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР : Декрет Совета Народных Комиссаров. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/16651-26-dekabrya-dekret-snk-o-likvidatsii-bezgramotnosti-sredi-naseleniya.rsfsr#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 10.08.2023).

5. Об Учреждении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности: Декрет Совета Народных Комиссаров. URL: <https://istmat.org/node/42332> (дата обращения: 10.08.2023).

6. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (ГКУ НА РА). Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 73.

7. Советская Адыгея. Выпуск 1. Бюллетень Адыгоргбюро РКП(б), Адыгоблсполкома и Адыгоблплана. Краснодар: Адыгоблплан, 1925. С. 80-82.

8. ГКУ НА РА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 24.

9. Там же. Д. 2.

10. Там же. Д. 1.

11. Там же. Д. 16.

12. Там же. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 74.

13. Там же. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1.

14. Там же. Д. 24.

15. Там же. Д. 221.

16. Там же. Д. 227.

17. Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 87.

18. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1926. 1 апреля.

19. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1928. 2 марта.

20. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1928. 3 марта.

21. ГКУ НА РА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 24.

22. Там же. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 75.

23. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1927. 5 февраля.

24. Там же. 1926. 21 апреля.

25. Там же. 1927. 9 декабря.

26. ГКУ НА РА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 16.

27. Там же. Д. 73.
28. Там же. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 75.
29. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1926. 3 февраля.
30. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1927. 9 декабря.
31. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1928. 24 апреля.
32. ГКУ НА РА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 93.
33. Там же. Д. 1.
34. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1926. 3 февраля.
35. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1927. 7 марта.
36. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1927. 25 февраля.
37. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1927. 23 декабря.
38. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1928. 2 марта.
39. ГКУ НА РА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 295.
40. Там же. Д. 746.
41. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1926. 4 марта.
42. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1928. 2 марта.
43. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1926. 19 августа.
44. Адыгейская жизнь: орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, обсовпрофа. 1926, 4 марта.
45. Педагогическая энциклопедия. URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s01/e0001262/index.shtml> (дата обращения: 10.08.2023).
46. Меулов Д. Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве, 1922-1937 гг. Майкоп: Адыг. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1989. 160 с.

References:

1. *Lenin V.I.* Tasks of youth unions. Speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth Union on October 2, 1920. URL: <https://www.politpros.com/library/13/252/#:~:text=You%20know%2C%20that%20in%20the%20country,%20generation%20took%20%20for%20this%20case> (date of access: 10.08.2023).
2. *Melnikov V.V.* V.I. Lenin and the cultural revolution in the North Caucasus // V.I. Lenin and the cultural revolution in the North Caucasus: collection of articles. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don Institute of Agriculatural Mechanical Engineering, 1971. P. 3-24.
3. *Burnyshev A.V.* Culture born by October. Maykop: Adyghe Publishing house, 1958. 135 pp.
4. On the elimination of illiteracy among the population of the RSFSR: Decree of the Council of People's Commissars. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/16651-26-dekabrya-dekret-snk-o-likvidatsii-bezgramotnosti-sredi-naseleniya_rsfpr#mode/inspect/page/2/zoom/4 (access date: 10.08.2023).
5. On the Establishment of the All-Russian Extraordinary Commission for the Elimination of Illiteracy: Decree of the Council of People's Commissars. URL: <https://istmat.org/node/42332> (access date: 10.08.2023).
6. State institution "National Archive of the Republic of Adygheya" (GKU NA RA). F. R-21. Оп. 1. Д. 73.
7. Sovetskaya Adygheya. Issue 1. Bulletin of the Adygheorgburo of the RCP(b), Adygheoblispolkom and Adygheoblplan. Krasnodar: Adygheoblplan, 1925. P. 80-82.
8. GKU NA RA. F. R-21. Оп. 1. Д. 24.
9. Ibid. D 2.
10. Ibid. D. 1.
11. Ibid. D. 16.

12. Ibid. F. R-4. Op. 1. D. 74.
13. Ibid. F. R-21. Op. 1. D. 1.
14. Ibid. D. 24.
15. Ibid. D. 221.
16. Ibid. D. 227.
17. Ibid. F. R-1. Op. 1. D. 87.
18. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1926. April 1.
19. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1928. March 2.
20. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1928. March 3.
21. GKU ON RA. F. R-21. Op. 1. D. 24.
22. Ibid. F. R-4. Op. 1. D. 75.
23. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1927. February 5.
24. Ibid. 1926. April 21.
25. Ibid. 1927. December 9.
26. GKU NA RA. F. R-21. Op. 1. D. 16.
27. Ibid. D. 73.
28. Ibid. F. R-4. Op. 1. D. 75.
29. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1926. February 3.
30. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1927. December 9.
31. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1928. April 24.
32. GKU NA RA. F. R-21. Op. 1. D. 93.
33. Ibid. D. 1.
34. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1926. February 3.
35. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1927. March 7.
36. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1927. February 25.
37. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1927. December 23.
38. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1928. March 2.
39. GKU NA RA. F. R-1. Op. 1. D. 295.
40. Ibid. D. 746.
41. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1926. March 4.
42. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1928. March 2.
43. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1926. August 19.
44. Adyghe life: organ of the Adyghe regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional executive committee, regional trade union committee. 1926. March 4.
45. Pedagogical Encyclopedia. URL: <http://pedagogic.ru/pedenc/item/f00/s01/e0001262/index.shtml> (access date: 10.08.2023).
46. *Mekulov D.Kh.* Soviets of Adygheya in socialist construction, 1922-1937. Maykop: Adyghe Department of Krasnodar Publishing house, 1989. 160 pp.

Статья поступила в редакцию 18.08.2023; одобрена после рецензирования 24.08.2023; принята к публикации 25.08.2023.
The paper was submitted 18.08.2023; approved after reviewing 24.08.2023; accepted for publication 25.08.2023.

© С.П. Нароева, 2023